

DOI: 10.31857/S013038640013914-3

© 2021 г. **Н.А. ЖЕРЛИЦЫНА**

«СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ» И СОПЕРНИЧЕСТВО ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ В 1830–1840-х годах НА ПРИМЕРЕ МАРОККО

Жерлицына Наталья Александровна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Москва, Россия).

E-mail: lab95rum@mail.ru

Researcher ID: AAZ-3955-2020

Аннотация. Статья посвящена взаимоотношениям Великобритании и Франции на фоне колониального соперничества в Северной Африке. Анализируя английские, французские и марокканские дипломатические документы, автор заключает, что вопрос установления доминирующего влияния в Марокко являлся одним из главных в отношениях Великобритании и Франции в 1830–1840-е годы. Захват Францией Алжира нарушил региональный и европейский баланс сил и придал конфликтный характер отношениям соперничавших за раздел сфер влияния держав. Сдерживающим фактором, который не позволял Великобритании и Франции перейти к открытой фазе противостояния в Магрибе, выступал двусторонний договор «Entente cordiale» («сердечное согласие»), призванный способствовать сохранению мира в Европе. Острая фаза соперничества двух держав в Марокко пришлась на 1837–1844 годы и была связана с именем героя освободительной борьбы Алжира от французских захватчиков эмира Абд аль-Кадира. В 1840 г. французская армия нанесла поражение силам эмира и он вынужден был перенести свою базу на территорию соседнего султаната. В течение нескольких лет султан Марокко разрешал перевозку боеприпасов через свою территорию для использования силами Абд аль-Кадира в его войне за независимость Алжира. Правительство Франции, естественно, настаивало на том, чтобы султан вынудил Абд аль-Кадира отказаться от этой практики. Франко-марокканская война 1844 г. закончилась поражением Марокко, оказавшимся перед угрозой французской оккупации. Лишь из-за активного противодействия со стороны Великобритании Франция не пошла на присоединение Марокко к своим колониальным владениям. Из-за давления британской дипломатии был заключен франко-марокканский договор, и султанат еще более полувека существовал как независимая страна, хотя фактически европейские державы не прекращали систематический подрыв суверенитета страны.

Ключевые слова: Великобритания, Франция, Марокко, Алжир, колониализм, соперничество держав в Северной Африке, «сердечное согласие».

N. A. Zherlitsina

The “Entente cordiale” and the rivalry of Great Britain and France in North Africa in 1830s–1840s. The example of Morocco

Natalia Zherlitsina, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: lab95rum@mail.ru

Researcher ID: AAZ-3955-2020

Abstract. The article examines the relationship between the two leading powers of the 19th century, Great Britain and France, against the background of colonial rivalry in North Africa. Analyzing

relevant English, French, and Moroccan diplomatic documents, the author concludes that the issue of establishing a dominant influence in Morocco was one of the main issues in the relations between Great Britain and France in 1830–1840. The French takeover of Algeria disrupted the regional and European balance of influence and gave a conflicting character to the relations between the competing powers. The “Entente Cordiale” (“Cordial Accord”), designed to contribute to the preservation of peace in Europe, acted as a deterrent that did not allow Great Britain and France to move to an open phase of confrontation in the Maghreb. The sharp phase of the rivalry between the two powers in Morocco occurred in 1837–1844 and was associated with the name of the hero of the liberation struggle of Algeria from the French invaders, Emir Abd al-Qadir. The Franco-Moroccan War of 1844 ended with the defeat of Morocco, facing the threat of French occupation. Due to the pressure from British diplomacy, the Franco-Moroccan treaty was concluded, and the sultanate existed as an independent country for about sixty years, although in fact the European powers did not stop systematically undermining the country's sovereignty.

Keywords: Great Britain, France, Morocco, Algeria, colonialism, power rivalry, North Africa, “Entente Cordiale”.

Захват в 1830 г. Францией Алжира положил начало новому этапу в истории Северной Африки, затронув все страны региона, и изменил соотношение сил на международной арене между конкурирующими европейскими державами. Но и сама Франция, едва совершившая это историческое завоевание, вступила в следующий период своей истории: с торжеством Июльской революции началась эпоха буржуазно-либерального развития. «Король-гражданин» Луи Филипп проводил осторожную внешнюю политику, направленную на создание мирных, благоприятных условий для развития национальных капиталов и бизнеса. Лозунг нового монарха «порядок внутри, мир вовне» материализовался в заключении союза с другой ведущей державой Европы, Великобританией. Договор «Entente cordiale» («сердечное согласие») призван был урегулировать противоречия между двумя великими державами, нередко сталкивавшимися в том числе и в вопросах политического и экономического преобладания в Средиземноморье.

Одной из таких острых проблем двусторонних и общеевропейских отношений в 1830–1840-х годах стала ситуация вокруг стран Северной Африки. Французский захват Алжира нарушил региональный баланс, и европейские державы усилили внимание к происходившему там. Французская активность в Северной Африке (а помимо Алжира сферой ее действия стал и Египет при Мухаммеде Али) была среди причин, которые заставили Великобританию убедиться в необходимости контроля над входом в Средиземное море как лучшего средства контроля над Средиземноморским бассейном в целом, а также маршрутами в ее самую значительную колонию Индию. Исходя из этих соображений, все британские политические лидеры придерживались решительной политики, направленной на то, чтобы помешать любому иностранному государству расширить свое влияние в районах, прилегающих к Гибралтарскому проливу¹. В результате возникла необходимость сохранить то, что называлось «статус-кво» в Марокко, Британия защищалась от всего, что могло угрожать ее непосредственным интересам. И в этом отношении султанат Марокко благодаря своему стратегическому положению у «ворот» Средиземного моря и в непосредственной близости от английского Гибралтара представлял исключительный интерес для европейских соперников². Хотя экономические интересы Великобритании в Марокко были важны, но приоритет имела политическая составляющая: главной целью внешней политики этой державы в отношении султаната было не допустить установления контроля над этой страной со стороны других правительств. На протяжении 1830–1840-х годов Франция и Великобритания пытались утвердить в Марокко свое влияние, но при этом не нарушать «сердечного

¹ Clayton G.D. Britain and the Eastern Question. Missolonghi to Gallipoli. London, 1971.

² Дьяков Н.Н. Марриб, Машрик, Россия. СПб., 2014. С. 145.

согласия». Сочетать две противоречивые цели державам было непросто, несколько раз они находились на грани конфликта из-за Марокко.

Когда в 1827 г. произошел конфликт между Францией и Алжиром и французы обнаружили стремление к захвату Марокко, британская дипломатия решительно протестовала и обещала предпринять все меры, чтобы не допустить такого нарушения баланса влияний в южной части Средиземноморья. После серии протестов они получили от министров французского короля Карла X заверения в том, что никакой постоянной оккупации в стране не будет, кроме как с согласия других держав³. После захвата Алжира в Париже произошла революция, что фактически освободило новые власти от выполнения обещаний свергнутой монархии. На некоторое время алжирский вопрос отошел на второй план: в самой Великобритании произошла смена монарха, и Форин Офис не имел четких инструкций, как вести себя с Францией. Поэтому английские дипломатические чиновники, не признавая законности французской оккупации, хранили строжайшее молчание по этому вопросу.

Однако Великобритания дала понять Франции, что она не потерпит новых планов экспансии в Северной Африке за пределами Алжира. В 1836 г. французский флот был направлен к берегам Туниса с целью предотвратить возможную попытку Османской империи восстановить сюзеренитет над этой ее провинцией, как произошло годом ранее в Триполи. Министр иностранных дел Великобритании Г.Д. Пальмерстон немедленно потребовал объяснений от французских властей. Он заявил, что его правительство не желает выступать против французских захватов в Алжире, но он должен требовать заверений в том, что эта экспансия не будет распространяться за пределы страны⁴. Французский посол в Лондоне, посоветовавшись со своим правительством, дал Великобритании желаемые заверения, подтвердив, что Франция не намерена завоевывать Тунис, Триполи или Марокко. Вопрос о французских гарантиях вновь возник во второй половине 1837 г., когда Франция начала боевые действия на востоке Алжира с целью подавить сопротивление в бейлике Константины. Англичане были встревожены сообщениями о том, что французские власти планируют передать Константину под управление тунисского бея, который, в свою очередь, начнет платить дань Франции. По мнению МИД Великобритании, в таком случае Франция получит возможность для вмешательства во внутренние дела Туниса⁵. Пальмерстон потребовал гарантий, что территории Туниса и Марокко не будут подвергаться французскому военному и политическому вмешательству. Французское правительство с легкостью дало такое обещание. Палата общин Великобритании в феврале 1838 г. потребовала отчета правительства относительно французской политики в Северной Африке, и в ответ Пальмерстон сообщил палате и всему миру, что он получил от французских властей самые решительные заверения в том, что они не будут совершать агрессии ни против Туниса, ни против Марокко⁶. Готовность французов дать эти гарантии может быть отчасти объяснена сотрудничеством двух стран в рамках «сердечного согласия» в урегулировании ряда международных проблем. Однако подозрения англичан относительно французских замыслов в Марокко, по-видимому, не исчезли окончательно.

Хотя и Франция, и Великобритания прилагали усилия, чтобы не нарушить гармонии двустороннего союза, но уже к концу 1830-х годов стало очевидно, что в Средиземном море Франция была полна решимости оспорить британское военно-морское превосходство. В 1830 г. король Луи Филипп отметил в письме своему министру иностранных дел, что французское правительство должно попытаться уменьшить превосходство Великобритании в Средиземноморье. В 1839 г. быстрый рост французского военно-морского

³ Laffont P. Histoire de la France en Algerie. Paris, 1980. P. 41.

⁴ Laurie G.B. French conquest of Algeria. London, 2005. P. 32.

⁵ Cour A. L'occupation marocaine de Tlemcen // Revue Africaine. 1908. Vol. LII. P. 56.

⁶ Laffont P. Op. cit. P. 49.

флота в Средиземном море вызывал тревогу в Великобритании. Пальмерстон предложил правительству Луи Филиппа заключить соглашение об ограничении вооружений в Средиземном море, но Франция отказалась. Тогда правительство Великобритании подало заявку в парламент на выделение дополнительных средств на поддержание военно-морского превосходства.

Подозрения Великобритании по-прежнему вызывала французская активность в Северной Африке. Если в начале 1830-х годов ни сама Франция, ни другие страны не знали, сохранится ли власть французов над Алжиром, то уже через несколько лет стало ясно, что французы не намерены покидать страну⁷. Более того, в 1840 г. Франция объявила об отмене соглашений с лидером национально-освободительного движения эмиром Абд аль-Кадилом, заключенных в 1834 г. и 1837 г., в соответствии с которыми он получил полный контроль над Оранской областью. Перелом произошел благодаря назначению видного военачальника генерала Т.Р. Бюжо генерал-губернатором Алжира. Он должен был окончательно уничтожить власть Абд аль-Кадир в Алжире и позволить французам установить свою власть вплоть до марокканской границы.

Возобновление военных действий в непосредственной близости от Марокко серьезно угрожало стабильности в султанате. Марокканское население испытывало к Абд аль-Кадиру симпатию и оказывало ему всевозможную поддержку, так как считало его вождем джихада (священной войны) в защиту мусульманской веры против христианских захватчиков. В течение нескольких лет султан Марокко разрешал перевозку боеприпасов через свою территорию для использования силами Абд аль-Кадир в его войне за независимость Алжира⁸. В ноябре 1839 г. французское правительство направило султану Марокко Мулау Абд аль-Рахману настойчивые требования прекратить эту практику, столь явно нарушавшую нейтралитет Марокко, с недвусмысленным намеком на то, что в случае отказа последует война. Вскоре после этого во французских газетах появились весьма воинственные заявления. В связи с этой ситуацией Пальмерстон поручил британскому послу в Париже напомнить французскому правительству о его гарантиях в отношении Марокко и Туниса и указать на нежелательное воздействие, которое французское нападение на Марокко или блокада его побережья окажут на британское общественное мнение. Несколько недель спустя до британского посла в Париже дошли слухи, что военно-морские силы Франции готовятся к выступлению против Марокко. Он направил запрос в МИД страны, но французы отрицали наличие подобных намерений. В разговоре с королем Франции 9 марта 1840 г. посол выразил надежду, что французское правительство не будет ссориться с султаном Марокко из-за помощи, оказанной Абд аль-Кадиру; на это Луи Филипп ответил, что Франция не собирается вторгаться в Марокко. Британская дипломатия использовала все средства, чтобы дать понять Франции, сколь важное значение придает независимости Марокко. В 1845 г. французский министр иностранных дел публично признал, что Марокко является государством, которое долгое время находилось под особой защитой Великобритании⁹.

Действительно, с начала 1830-х годов Великобритания использовала весь арсенал дипломатии для предотвращения любых конфликтов Марокко с европейскими странами. Первая конфликтная ситуация, потребовавшая вмешательства, произошла вслед за захватом Алжира, когда в 1831–1832 гг. между Францией и Марокко возникли разногласия из-за алжирского пограничного города Тлемсен. В историческом и культурном отношениях он тяготел к Марокко, и поэтому, когда французы оккупировали столицу регентства Алжир, но еще не успели установить свое господство на западе страны, некоторые видные жители города и члены влиятельных религиозных братств обратились

⁷ Ланда П.Г. История арабских стран. М., 2017. С. 133.

⁸ Yver G. Abd el-Kader et le Maroc en 1839 // *Revue Africaine*. 1909. Vol. LX. P. 98.

⁹ Ben-Sghir K. Une source de l'histoire économique marocaine: les rapports consulaires britanniques // *Hespéris-Tamuda*. 1990. Vol. XXVIII. P. 186.

к султану Марокко Мулаю Абд аль-Рахману с просьбой взять на себя управление этой территорией, чтобы правоверным мусульманам не пришлось оказаться под властью «неверных». Султан санкционировал ввод войск в Тлемсен, но ситуация от этого только осложнилась. Во-первых, не все местное население соглашалось подчиниться соседней стране, во-вторых, Франция решительно потребовала вернуть алжирскую территорию, и, следовательно, Марокко могло быть вовлечено в прямой конфликт с этой мощной державой. Известно, что марокканский двор в этой сложной ситуации обратился к британскому дипломатическому агенту и генеральному консулу Э.Д. Хью в Танжере в поисках поддержки против Франции¹⁰. Хотя англичане изначально были противниками французской оккупации Алжира, но не хотели усложнять ситуацию еще больше, дав Франции повод для вторжения и в Марокко. Хэй приложил все усилия, чтобы пресечь конфликт, грозивший осложнениями в регионе. Он объяснил марокканцам, как эта ситуация воспринимается с европейской точки зрения: когда французы разгромили алжирского дея и захватили его территорию, они приобрели по праву победителя законное право на все его владения. И если Тлемсен во время завоевания считался владением дея, то притязания французов на эту область были, соответственно, неоспоримы¹¹. Лучшим выходом для Марокко — согласие с требованиями Франции вывести войска с алжирской территории и отказаться от притязаний на Тлемсен. Так в дальнейшем и произошло.

В 1836 г. Великобритания расценила как опасные попытки султана Мулая Абд аль-Рахмана возродить в какой-то мере корсарство, древнее и «почтенное» занятие североафриканских стран, почти исчезнувшее к началу XIX в. «Законность» в глазах североафриканских мусульман этому виду разбоя придавало его происхождение: Османская империя времен становления использовала экипажи корсарских кораблей как солдат «священной войны» против христиан в Средиземноморье. «Джихад аль-бахри» (морской джихад) в 1830-х годах ввиду военного преобладания европейских держав в Средиземном море мог иметь весьма скромные размеры, угрожая лишь кораблям небольших государств Европы. Когда в 1836 г. стало известно, что Марокко готовит к отправке в море новый вооруженный крейсер, реакция британского правительства была быстрой и резкой: оно немедленно направило эскадру для блокады Танжера и оказало давление на султана, чтобы тот отказался от этой идеи. Но в 1841 г. марокканским корсарам все-таки удалось захватить испанское судно и последствия сказались немедленно: Испания прислала в Танжер 44-пушечный фрегат. Испанское судно было отпущено, а Великобритания потребовала от султана разоружить корсарский корабль¹².

Частые поводы для конфликтов возникали между Марокко и Испанией в районе Сеуты — испанской крепости-анклава на марокканском берегу пролива, как раз напротив Гибралтара. Местные рифские племена, слабо контролировавшиеся центральной властью, не признавали прав европейцев на эти территории, и стычки между ними и гарнизоном анклава время от времени накаляли отношения между странами. В 1837 г. в районе Сеуты произошло убийство испанского переводчика¹³. Хотя испанцы и марокканцы быстро уладили конфликт, власти Великобритании дали приказ своему флоту в Средиземном море следовать в Сеуту и в случае надобности развести враждующие стороны. Прибытие английского флота в Сеуту в Париже восприняли с большим подозрением. МИД Франции немедленно предложил, чтобы к английскому присоединился и французский флот. Но Пальмерстон отверг это предложение о сотрудничестве. Реакция французов иллюстрирует тот факт, что любая попытка со стороны англичан прибегнуть

¹⁰ Ben-Sthir K. Britain and Morocco during the Embassy of John Drummond-Hay, 1845—1886 // International Journal of Middle East Studies. 2006. Vol. 38. P. 469.

¹¹ Cour A. Op. cit. P. 59.

¹² Miège J.-L. Documents d'Histoire Économique et Sociale Marocaine au XIXe Siècle. Paris, 1969. P. 184.

¹³ Ibid. P. 191.

к силовому вмешательству в Марокко, даже с целью умиротворения, вызывала подозрение и ревность со стороны французов. Англичане и французы не доверяли друг другу и подозревали в желании вторжения в султанат.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что Великобритания проводила достаточно последовательную политику, направленную на то, чтобы использовать свое влияние для предотвращения вовлечения Марокко в серьезные дипломатические споры или войны с другими европейскими державами. В соответствии с этой политикой в вопросе помощи со стороны Марокко Абд аль-Кадиру британское правительство пыталось склонить султана к уступкам, чтобы не дать Франции предлога для военных действий против Марокко. В Париже британский посол получил заверения, что ни одно военное судно не будет послано в эту страну, если султан сам не начнет военных действий против французов¹⁴. В соответствии с принципами «сердечного согласия» Великобритания придерживалась нейтралитета в войне, которая шла между Францией и Абд аль-Кадиром. Когда представители эмира попытались установить контакт с британским правительством, эти попытки были вежливо, но решительно отвергнуты Лондоном¹⁵.

Отношения Великобритании и Франции в 1839–1841 гг. осложнялись враждебностью из-за турецко-египетского конфликта, в котором они стояли по разные стороны. Но в 1841 г. в должность министра иностранных дел Великобритании вступил Д.Г. Абердин, считавший, что продолжение англо-французского антагонизма является постоянной угрозой миру в Европе. Поэтому он взял на себя обязательство как можно скорее решить ключевые проблемы, которые угрожали поддержанию мирных отношений с Францией.

Среди них был и вопрос франко-марокканских отношений, по-прежнему находившихся под угрозой из-за помощи, оказываемой султаном Абд аль-Кадиром. В саму войну Франции против эмира британское правительство по-прежнему не вмешивалось, хотя все еще фактически не признало французский суверенитет в Алжире. Французы со своей стороны вели себя по отношению к Марокко так, чтобы не вызывать опасений Великобритании.

В 1842 г. дипломатия Великобритании постаралась побудить султана Марокко пресечь перевозку оружия через марокканскую границу воинам Абд аль-Кадира. Генеральный консул Хэй провел ряд встреч с султаном и представителями марокканского правительства, во время которых убеждал их в необходимости прекращения участия султаната в помощи эмиру¹⁶. Действительно, в августе 1842 г. стало известно, что султан предпринял некоторые меры, чтобы запретить своим подданным помогать Абд аль-Кадирю. Франция сняла претензии к Марокко, и англо-французские отношения существенно улучшились. Луи Филипп оценил как проявление сотрудничества шаги Абердина в марокканском вопросе, и потепление затронуло и другие сферы двусторонних отношений. Сближение двух держав ознаменовалось визитом королевы Виктории, принца Альберта и Абердина в Париж по приглашению Луи Филиппа в сентябре 1843 г.

Но уже в ноябре того же года события в Северной Африке дали новый повод для тревоги. Под натиском превосходящих сил маршала (с 1843 г.) Бюжо Абд аль-Кадир после четырех лет сопротивления потерпел поражение и отступил на территорию Марокко. Здесь он располагал многочисленными сторонниками, целые племена готовы были встать под его знамена, и эмир надеялся консолидировать всех своих приверженцев, чтобы возобновить войну с Францией в Алжире. Его воины продолжали нападать на французскую армию, используя территорию Марокко для укрытия. Правительство Франции, естественно, настаивало на том, чтобы султан заставил Абд аль-Кадира отказаться от этой практики. Любой инцидент на марокканско-алжирской границе мог

¹⁴ *Abun-Nasr J.M.* A History of the Maghrib. Cambridge, 1975. P. 128.

¹⁵ *Ben-Srhir K.* Britain and Morocco... P. 470.

¹⁶ *Sessions J.E.* By Sword and Plow. France and the Conquest of Algeria. London, 2011. P. 117.

привести к войне с Францией. Мулай Абд аль-Рахман оказался в очень сложной ситуации: исполнение им требований Франции могло вызвать недовольство, восстание и даже утрату трона султаном. Абд аль-Кадири пользовался безусловной поддержкой населения страны, а также подавляющего большинства религиозных лидеров, глав и членов влиятельных мусульманских братств Северной Африки. По стране поползли слухи о готовившемся вторжении французов из Алжира, что породило всплеск враждебности мусульманского населения по отношению к европейцам. Подданные всех стран Европы, находившиеся тогда в султанате, оказались в опасности: испанский вице-консул был обстрелян в Лараше, даже британские суда подверглись нападению, и после этого власти Марокко предложили консулу Хэю защиту военной охраны¹⁷.

Великобритания расценила создавшуюся ситуацию как потенциально опасную для британских интересов в Северной Африке. Какую бы линию по отношению к Абд аль-Кадиру ни выбрал Мулай Абд аль-Рахман, любая из них была чревата осложнениями: открытая поддержка эмира вела к войне с Францией, отказ от такой поддержки — к утрате султаном авторитета среди марокканцев и последующей дестабилизацией положения в султанате. Падение Мулая Абд аль-Рахмана было явно невыгодным для британских интересов, так как последующая анархия подвергла бы опасности жизни и имущество европейцев, предоставив тем самым любой европейской державе отличный повод для вторжения в султанат. Поэтому британская дипломатия все больше предостерегала окружение султана от любых недружественных действий, затрагивающих европейские правительства, и убеждала своих европейских партнеров в том, что Великобритания не допустит их вмешательства в Марокко.

В апреле 1844 г. французские войска начали возведение крепости на пограничной с Марокко территории, которую марокканцы из-за отсутствия точно размеченных границ считали своей. Дивизия султанской армии предприняла неудачную попытку атаковать это укрепление¹⁸. Французское правительство, несмотря на нежелание ссориться с Великобританией, после случившегося вынуждено было действовать. 12 июня султану предъявили ультиматум с требованиями отвести марокканскую армию от границы, наказать вождей племен, участвовавших в нападении на французское укрепление, и выдать эмира Абд аль-Кадира. В подкрепление ультиматума из Франции были направлены дополнительные сухопутные силы в помощь маршалу Бюжо и флота в Танжер под командованием сына короля принца де Жуанвиля. Выбор принца в качестве главнокомандующего французским флотом вызвал сильнейшую тревогу в Лондоне, так как де Жуанвиль был известен как автор труда о военно-морской доктрине Франции, в котором он указывал на Великобританию как главного соперника. Министр иностранных дел Великобритании даже высказал просьбу заменить командующего французскими военно-морскими силами в Танжере. Не согласившись на это, французское правительство старалось, насколько это позволяла ситуация, не провоцировать англичан. Маршалу Бюжо вновь предписали проявлять крайнюю осторожность в любых операциях на приграничной территории. Принц де Жуанвиль получил указания действовать деликатно и избегать всего, что могло бы вызвать международные осложнения¹⁹.

Однако не вызывало сомнений, что военные действия между Францией и Марокко могут начаться в ближайшее время. Поэтому целью британской дипломатии стало добиться от французов таких обязательств, которые могли бы защитить интересы Великобритании в Северной Африке в случае начала войны. В ответ на запросы британского МИД министр иностранных дел и король Франции подтвердили прежние обязательства

¹⁷ *De Castries C.H.* Les Sources inédites de l'histoire du Maroc. T. 2. Paris, 1918. P. 356.

¹⁸ *Cosse-Brissac P.* Les rapports de la France et du Maroc pendant la conquête de l'Algérie (1830–1847) // *Hespéris-Tamuda*. 1931. Vol. XIII. P. 194.

¹⁹ *Nouschi A.* Notes on French Expansion in the Mediterranean during the 19 and 20th Centuries // *Mediterranean Historical Review*. 1986. Vol. 1. P. 87, 88.

своего правительства в отношении Марокко. Французы заявили о твердой решимости воздерживаться от какой-либо постоянной оккупации марокканской территории, принципу де Жуанвиллю было строго запрещено нападать на Танжер.

О степени недоверия и напряженности в отношениях между Великобританией и Францией свидетельствует тот факт, что вслед за французским флотом в Танжерскую гавань были направлены и английские военно-морские силы. По соглашению между командирами обоих эскадр их численность была приблизительно одинаковой. Хотя официально целью их отправки являлась исключительно защита британских граждан и их собственности, его размеры казались излишне большими для этой задачи – в Танжере проживало не более 300 британских граждан²⁰. На самом деле направление Великобританией флота имело целью оказать сдерживающее влияние на операции французов в марокканских водах. Одновременно британская дипломатия стремилась повлиять на министров султана, чтобы те убедили его примириться с Францией. Консулу Хэю было поручено предупредить монарха об опасности политики предоставления убежища Абд аль-Кадиру на марокканской территории. Но султан не внял этим предупреждениям и на ультиматум Франции ответил отказом. В самом султанате царили воинственные настроения, а в Марракеше провозгласили священную войну против христианских захватчиков.

После предъявления ультиматума султану Франция обратилась к британскому МИД с просьбой «использовать свое влияние, чтобы побудить Марокко придерживаться по отношению к французам миролюбивой политики». Идя навстречу последним, Абердин поручил консулу Хэю как можно скорее отправиться ко двору султана и попытаться убедить его исполнить условия французского ультиматума. Консул Хэй выехал в Марракеш, где располагалось правительство султана, для консульской²¹. Там марокканцы выдвинули встречные заведомо невыполнимые требования – такие, например, как требование наказать французских офицеров, участвовавших в нарушениях марокканской границы во время последнего конфликта²². Так как сам султан находился в это время в другом марокканском городе, Рабате, Хэю пришлось поспешить туда, чтобы настаивать на исполнении ультиматума. Действительно, после некоторого промедления монарх согласился на эти требования с несколькими незначительными исключениями и отказался от встречных требований, выдвинутых его правительством. Но чтобы донести эту радостную новость до французских представителей, ожидавших в Танжере, Хэю, человеку немолодому, нужно было добраться туда в самый разгар летней африканской жары. Трудности этого путешествия истощили здоровье английского консула, и через некоторое время он скончался²³.

Французы, так и не дождавшись вестей от англичан, обстреляли Танжер с моря. В то же время Бюжо с армией в 11 тыс. человек начал наступление на восточной границе. 14 августа 1844 г. он подошел к марокканскому лагерю, располагавшемуся на позиции Джарф-Эль-Ахдар, недалеко от Уджды, на правом берегу реки Вади-Исли, притока Тафны. На стороне Марокко сражалось более 50 тыс. человек, в основном кавалеристов, которых поддерживали добровольцы из племен Бени-Изнассен, Бени-Укиль и Ангад. Французские войска разгромили гораздо более крупные, но плохо организованные, слабо оснащенные и почти необученные марокканские силы под командованием сына султана Мухаммеда. Правительство Франции пожаловало маршалу Бюжо за его победу титул герцога Ислийского.

²⁰ Hamet I. Le gouvernement marocain et la conquête d'Alger // Académie des Sciences coloniales. Annales. T. 1. Paris, 1925. P. 65.

²¹ Соловьева Д.С. «Кочующий двор» в Марокко: забытое старое // Азия и Африка сегодня. 2019. № 8. С. 75.

²² De Castries C.H. Op. cit. P. 367.

²³ Hay J.D. Journal of an Expedition to the Court of Morocco in the year 1846. Cambridge, 1848. P. 108.

Одновременно французский флот нанес существенный урон другому марокканскому городу-порту — Могадору. Этот город был важным торговым центром, через который шли товары как из марокканских прибрежных провинций, так и из Центральной Африки, а также главным портом Южного Марокко и служил главным пунктом британской торговли в этой части страны. Атака французского флота погрузила городок в хаос, озлобленные местные жители осадили британское вице-консульство, и его сотрудникам пришлось спасаться бегством²⁴.

Решимость Франции «наказать» Марокко побудила и другие европейские страны, с которыми у султаната накопились разногласия, начать оказывать давление и угрожать применением силы для исполнения собственных требований. Так, Испания возобновила претензии из-за столкновений у Сеуты. Швеция и Норвегия, не желавшие впредь платить дань за «защиту» своих торговых судов от марокканских корсаров, предъявили Марокко соответствующий ультиматум и разорвали дипломатические отношения. В ситуации острого международного кризиса пошатнулось и внутреннее равновесие в султанате. В стране установился хаос и начались мятежи и междоусобицы.

На международном уровне проблема Марокко также вызвала дестабилизацию. Кризис вокруг султаната грозил нарушить «сердечное согласие» между Францией и Великобританией. В британской прессе появились антифранцузские публикации, на бирже в ожидании войны начались паника и падение акций. Министр иностранных дел Абердин потребовал от Франции объяснений по поводу явного нарушения ею своих обещаний. Представленные французами объяснения не удовлетворили британское правительство, и оно официально выразило свое «удивление», «сожаление» и «озабоченность» действиями французов. Кроме того, в связи с военными и морскими операциями в Могadore Абердин заявил, что «любая оккупация побережья Марокко со стороны Франции будет рассматриваться Великобританией очень серьезно и может привести к осложнениям большого масштаба»²⁵. На это МИД Франции подтвердил свои обязательства не оккупировать какую-либо часть Марокко. Особые гарантии Франция дала в отношении Могадора, города, важного для британских торговых интересов. Более того, французы заявили, что не намерены продолжать военные действия в султанате.

Британская дипломатия продолжала прилагать усилия по стабилизации внутренней ситуации в Марокко. Властям султаната порекомендовали принять меры для предотвращения инцидентов, которые могли быть использованы в качестве предлога для дальнейшей агрессии со стороны Франции. Кроме того, султана убеждали устранить при помощи уступок каждой из недовольных европейских стран вероятность единого фронта христиан против него. Англичане оказывали влияние и на сами европейские правительства, указывая, что слишком сильное давление с их стороны в этот критический момент может привести к разрушению всей системы установленной власти в Марокко. Британским дипломатам в Мадриде удалось убедить испанского премьер-министра в том, что война с Марокко не отвечает интересам его страны и что спор с этой страной должен быть немедленно улажен²⁶.

После поражения Марокко в войне с Францией последняя пыталась использовать свою победу для предъявления новых требований султанату. Так, встал вопрос о компенсации от побежденной стороны. Великобритания, всецело вовлеченная в процесс переговоров о заключении мира, предприняла попытку отговорить французов от этой идеи. И ей это удалось — Франция решила удовлетвориться тем, что султан выполнит первоначальные условия ультиматума от 12 июня. Марокканцы, в соответствии с советами Великобритании, приняли французские предложения, и заключение договора состоялось. Несомненно,

²⁴ Ben-Srhir K. Une source... P. 188.

²⁵ Abun-Nasr J. M. Op. cit. P. 284.

²⁶ Miège J.-L. Op. cit. P. 197.

на уступчивость Франции повлияла настойчивость англичан: позиция, занятая «ревнивой» Великобританией, была одной из главных причин отказа французского правительства дать маршалу Бюжо разрешение на полное подчинение Марокко.

После заключения Францией и Марокко мирного договора от 10 сентября 1844 г. наиболее опасная фаза кризиса была пройдена. Но источником потенциальной опасности для будущего султаната оставалась нечеткая линия границы между Марокко и Алжиром. Она никогда не размечалась точно, потому что эта пустынная местность служила домом как для алжирских, так и марокканских кочевых племен, не знавших границ и почти не признававших власти каких-либо правительств. Но по мере того как Франция начала быстро распространять свою власть на юг Алжира, этот вопрос вставал все более остро. В соответствии с новым договором французы приступили к делимитации алжиро-марокканской границы весной 1845 г. В переговорах сторон важную функцию исполнял новый британский консул — сын почившего Э.Д. Хэя, Хэй-младший²⁷. Его роль заключалась в призывах двух сторон занять примирительную позицию и быть готовыми к компромиссам. Переговоры окончательно завершились в июне 1845 г.

Главной и по-прежнему не решенной проблемой отношений Марокко и Франции оставалась проблема Абд аль-Кадира. Эмир все это время находился на территории восточного Марокко, используя ее как оперативную базу. В 1845 г. ему удалось поднять восстание против французского господства в Марокко, подавление которого стоило оккупационным властям немалого труда. Маршал Бюжо еще раз убедился, что пока Абд аль-Кадир может укрываться в Марокко, он будет постоянно угрожать французским позициям в Алжире. Бюжо считал, что покончить с эмиром можно лишь успешным ударом по его базе в Марокко. Договор 1844 г. предусматривал возможность такого удара. Но правительство Франции долгое время не давало разрешения маршалу, полагая, что военные действия произведут негативное впечатление в Европе. Очевидно, именно возражения англичан против французского вторжения в Марокко удерживали французов от решения этой задачи.

Британская дипломатия со своей стороны продолжала убеждать султана в необходимости исполнить договор, окончательно прекратить помощь эмиру и запретить ему использовать территорию Марокко в качестве базы операций против французов в Алжире. На принятие решения Мулаем Абд аль-Рахманом помимо соображений международной политики оказали влияние и внутренние факторы: его авторитет после поражения при Исли пошатнулся, а популярность эмира Абд аль-Кадира как героя джихада в Марокко только росла. Опасаясь свержения, султан к середине 1846 г. решил проявить активность. В начале 1847 г. он начал боевые операции, которые в сочетании с действиями французов в то же время в конечном итоге привели к поражению эмира и его капитуляции перед французскими войсками.

Таким образом, к 1847 г. Франции и Великобритании в целом удалось установить границы интересов в Северной Африке. Благодаря сдерживающему фактору «сердечного соглашения» две державы в течение более чем 15 лет балансировали на грани конфликта, но желание сохранить мир в Европе перевешивало хищнические инстинкты. Разграничение сфер влияния в Северной Африке продолжалось, но державы вырабатывали механизмы взаимных договоренностей и уступок, позволявших делить потенциальную добычу, не нарушая мира в Европе. При этом страны Северной Африки постепенно превращались в объекты международной политики, теряя независимость и попадая под влияние имперских центров Европы. И Марокко, и соседний Тунис вынуждены были идти в фарватере европейской политики задолго до их перехода под власть европейских держав.

²⁷ Ben-Srhir K. Britain and Morocco... P. 469.

Библиография / References

- Дьяков Н.Н. Магриб, Машрик, Россия. СПб., 2014.
- Ланда Р.Г. История арабских стран. М., 2017.
- Соловьева Д.С. «Кочующий двор» в Марокко: незабытое старое // Азия и Африка сегодня. 2019. № 8. С. 75–79.
- Diakov N.N. Magrib, Mashrik, Rossia [Maghreb, Mashriq, Russia]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)
- Landa R.G. Istoriia arabskikh stran [History of Arab Countries]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Solovyeva D.V. “Kochuyushiy dvor” v Maroko: nezabytoie staroie [“Itinerant court” in Morocco: the unforgotten past] // Azija i Afrika segodnja [Asia and Africa today]. 2019. № 8. P. 75–79. (In Russ.)
- Abun-Nasr J.M. A History of the Maghrib. Cambridge, 1975.
- Ben-Srhir K. Britain and Morocco during the Embassy of John Drummond-Hay, 1845–1886 // International Journal of Middle East Studies. 2006. Vol. 38. P. 468–470.
- Ben-Srhir K. Une source de l’histoire économique marocaine: les rapports consulaires britanniques // Hespéris-Tamuda. 1990. Vol. XXVIII. P. 183–190.
- Clayton G.D. Britain and the Eastern Question. Missolonghi to Gallipoli. London, 1971.
- Cosse-Brissac P. Les rapports de la France et du Maroc pendant la conquête de l’Algérie (1830–1847) // Hespéris-Tamuda. 1931. Vol. XIII. P. 133–225.
- Cour A. L’occupation marocaine de Tlemcen. Revue Africaine. Vol. LII. 1908. P. 29–73.
- De Castries C.H. Les Sources inédites de l’histoire du Maroc. T. 1–2. Paris, 1918.
- Hamet I. Le gouvernement marocain et la conquête d’Alger // Académie des Sciences coloniales. Annales. T. 1. Paris, 1925. P. 53–153.
- Hay J.D. Journal of an Expedition to the Court of Morocco in the year 1846. Cambridge, 1848.
- Laffont P. Histoire de la France en Algerie. Paris, 1980.
- Laurie G.B. French conquest of Algeria. London, 2005.
- Miège J.-L. Documents d’histoire économique et sociale marocaine au XIXe siècle. Paris, 1969.
- Nouschi A. Notes on French Expansion in the Mediterranean during the 19 and 20th Centuries // Mediterranean Historical Review. 1986. Vol. 1. P. 86–99.
- Sessions J.E. By Sword and Plow. France and the Conquest of Algeria. London, 2011.
- Yver G. Abd el-Kader et le Maroc en 1839 // Revue Africaine. 1909. Vol. LX. P. 93–111.